

ХИСТÆР И КÆСТÆР: ПАРНЫЙ ЯЗЫКОВОЙ ПОРТРЕТ ОСЕТИНСКИХ СЛОВ СТАРШИЙ/МЛАДШИЙ

Гутиева Эльмира Тамерлановна, старший научный сотрудник, отдел осетинского языкознания, Северо-Осетинский институт гуманитарных и социальных исследований им. В.И. Абаева – филиал Федерального государственного бюджетного учреждения науки Федерального научного центра «Владикавказский научный центр Российской академии наук» (Владикавказ, Россия); <https://orcid.org/0000-0002-7452-665X>; gutieva@list.ru

*В осетинском традиционном обществе, в отсутствие установленной системы титулов или формальных должностей, возраст долгое время являлся одним из главных показателей социального статуса. Этим обусловлена важность для осетинской лингвокультуры слов хистæр – старший» и кæстæр – «младший». Их отличает высокая частотность, в том числе, парная употребительность, подчеркивающая их взаимообусловленность и взаимовлияние, позитивность коннотации, высокая фразеологическая активность. Фразеологемы с ними, в свою очередь, являются частовоспроизводимыми. Предпринят комплексный анализ рассматриваемых слов. Оба слова неавтохтонны, и заимствование их в осетинский язык восходит к очень раннему периоду. Обе формы, произведенные не по модели собственно осетинского языка, могли быть унаследованы от древнего протосостояния, либо они являются заимствованиями из какого-либо иранского языка, либо оказались результатом совпадения форм, развивавшихся по-разному. Отсутствие в языке производящих основ и словообразовательных формантов обусловили множественность этимологий и допускаемых алгоритмов морфологического анализа: они рассматриваются как формы степеней сравнения, как композиты, как префиксальные производные. Восточноиранская природа обоих слов не исключает существование когнатов этих корней в других индоевропейских языках. Продолжительный характер и протяженность скифо-греческого культурного и языкового континуума, сопровождавшегося взаимными лексическими заимствованиями, позволяет считать, древнегреческое слово *hístōr* «знающий, сведущий человек», признанное этимологом термина «история», и осетинское хистæр рефлексам одного корня, который мог быть унаследован обоими языками из языков скифских народов. Разреженность мифопоэтического скифо-греческого пространства позволяет подвергнуть ревизии этимологию имени мифического героя Кастора. Герой мог и не быть сам скифом, но при именовании его могли назвать восточноиранским словом *kastar-, если оно было достаточно ассимилированным в языке древних эллинов. Возможно, его быстрая архаизация не позволяет отследить этот корень в древнегреческих источниках.*

Ключевые слова: осетинский язык, скифский язык, древнегреческий язык, этимология, степени сравнения, заимствования, семантика.

Для цитирования: Гутиева Э.Т. Хистæр и кæстæр: парный языковой портрет осетинских слов старший/младший // KAVKAZ-FORUM. 2025. Вып. 23 (30). С.19-31. DOI: 10.46698/VNC.2025.30.23.001

Введение

В кавказских традиционных обществах институализирована строгая иерархия, основанная на возрасте. В условиях отсутствия формальных титулов и социальной стратификации авторитетом и уважением наделяются старшие члены сообщества. Глубокое почтение младших к старшим обеспечивает устойчивость социальных связей и преемственность культурных ценностей. Ритуализация возраста фиксируется в соблюдении особых этикетных норм. Высокая степень уважительности к старшим, как к хранителям духовного опыта, традиций, является важнейшей частью мировоззрения и у осетин.

Языковое выражение сила такого социального сцепления находит в значительной частотности употребления слов *хистæр* и *кæстæр* со значением «старший» и «младший», соответственно. Достаточно регулярно они встречаются парно, как в свободном употреблении, так и в связанных фразеологических единствах.

Младшему поколению императивно предписывается воспринимать старших как ролевые модели, как источник знаний и мудрости: *кæстæрæн йæ хæс* — *хистæрмæ хъусын* (долг младшего слушать старшего), *хистæр* — *зондамонæг*, *кæстæр* — *æгъдахæссæг* (старший наставляет, а младший исполняет) [1, 635]. Старшим напоминает об их ответственности – *хорз хистæртæ кæм нæй, уым хорз кæстæртæ дæр нæй* (где нет хороших старших, там нет и хороших младших), *хæдзары 'гъдау хистæрæй цæуы* (порядок в доме закладывает старший). Представляется крайне предосудительным потерять ценностный ориентир, игнорируя старших, нарушая возрастную субординацию – *хистæр кæстæр нал æмбарын* (не разбирать, кто старше, кто младше).

Обладающее высокой позитивной оценочностью *хистæр* регулярно атрибутируется постоянными эпитетами: *цытджын*, *кадджын*, *буц* – уважаемый, почтенный, почитаемый – что закрепляет в коллективном языковом менталитете эталонность старших, укрепляет их социальный статус и влияние в обществе. Такие словосочетания часто используются как почтительный апеллятив: *Фарн уæм бадзурæд, нæ буц хистæртæ!* (Будьте благословенны, наши уважаемые старшие!).

Основная часть

Слово *хистæр* – «старший, старейшина рода, самый старший в роду, тамада» [2, 499], глава родовой общины, влиятельный ее член, один из самых старых, опытных членов какого-либо коллектива, общества, носитель и хранитель традиций очень широко используется в обществе с культом старших.

Комплекс того, что предсказывается данному слову, можно проиллюстрировать на примере зачина одного из самых ранних и известных сказаний нартовского эпоса о рождении Ахсара и Ахсартага. В разных вариантах Уархаг, родоначальник и предводитель нартов, называется «старшим», «отцом», «главой», «первым»: *Нартæн уæд сæ хистæр Уæрхæг уыдис* (Был в то время Уархаг

старейшим из нартов). *Нартæн сæ фыд уыд Уархæг* (Был в то время отцом нартов Уархаг) [3, 73]. В сходных контекстах встречаются слова *сæр* (глава/голова), *фыццаг* (первый) [3, 90].

Валентностные характеристики прилагательных «*кæстæр*» и «*хистæр*» сопоставимы. Их коллокационные возможности, по данным Осетинского национального корпуса [4], часто реализуются в сочетаниях с существительными, обозначающими членов семьи, родственников (*хо, æфсымæр, файнуст, сылгоймаг, лæг, фырт, чындз, æрвад*).

Хистæр указывает на превосходство по статусу и на старшинство также с понятиями, связанными с иерархией и порядком (*цуанон, хъомылгæнæг, разамонæг, æхсин, хæлар, кусæг, хæлар*).

Оба слова используются и в качестве имени прилагательного, и как субстантивированное существительное.

Рассматривать параллельно *хистæр* и *кæстæр* имеет смысл и в плане морфологического членения, и в плане этимологического анализа. Неавтонность слов очевидна, как и то, что они были заимствованы как производные, пройдя стадию деривации в языке-доноре. Следует отметить, что просодически они, точнее слово *кæстæр*, подчинились законам принимающего языка, тогда как их морфологические форманты не подверглись изменениям и не подчинились осетинскому формообразованию.

В осетинском слове *кæстæр* ямбическое ударение, в слове *хистæр* инициальное ударение. Но разница в ударении не может служить средством уточнения их морфологической структуры, есть основания полагать, что изначально в обоих словах ударным должен был быть первый слог – *хИстæр* и **кÆстæр*. Характер изменения ударения обусловлен регулярной акцентуацией сильных и слабых гласных в осетинском языке. Таким образом, сдвиг ударения свидетельствует о том, что слово *кæстæр* подверглось фонетической ассимиляции. К морфологической адаптации оба слова обнаруживают резистентность, обусловленную рядом лингвистических и экстралингвистических факторов. Регулярная форма сравнительной степени могла не развиться ввиду высокой субстантивации слов, отсутствия в языке производящих основ. Их востребованность, важность для аксиологической шкалы социума могли обусловить неизменность их форм.

Хистæр и *кæстæр* возводятся к формам сравнительной степени [5; 6; 7]. Однако, в отличие от других осетинских прилагательных, в их структуре дентальный согласный в форманте сравнительной степени другого качества.

В современном осетинском языке сравнительная степень образуется с помощью форманта *-дæр* [8, 328; 9]. Образованные по регулярной модели формы должны были быть **хи-дæр* и **кæс-дæр*. Озвончение дентального в общеиранском суффиксе **-tara* могло быть более поздней новацией, специфической для некоторых памирских языков и осетинского, в отличие от других восточноиранских языков.

Отсутствие сравнительных форм слов со значением старший и младший по продуктивной модели с *-дæр* может быть обусловлено тем, что ко времени данного озвончения корни **хи-* и **кæс-* не использовались в свободном словоупотреблении в положительной степени. Их архаизация могла удер-

жать прежние формы сравнительной степени с глухим дентальным. С другой стороны, в случае заимствования только форм сравнительных степеней самих производящих основ могло не быть в протоосетинском. В обоих случаях отсутствие основы могло блокировать аналогическое выравнивание по типичной модели.

Общим в структуре обоих слов является экспонент *-стæр*-, первый элемент которого разной этимологии. В соответствии с существующими этимологиями, в *кæ-с-тæр* – это конечный согласный производящей основы **кæс*-. В слове *ху-с-тæр* *-с-*, возможно, от суффикса превосходной степени **исто*-/ **-isto*. Но на современном этапе развития осетинского языка морфологических средств оформления превосходной степени нет. В отличие от других иранских и, в том числе восточно-иранских языков, в осетинском языке есть только аналитические способы выражения превосходности, так как «к точнейшему определению сравнительной степени служат разные наречия и местоимения» [10, 385]. Предполагать, что образования превосходной степени были в протоязыке и были утрачены, мало оснований, так как должно было остаться сколько-нибудь значительное число рефлексов, а не один.

Иронское *xīstar*, дигорское *xestær* В.И. Абаев считает характерными для восточноиранского ареала, о чем свидетельствуют согдийское **xwēstar*-, сакское **hwasta*- и наличие в Авесте формы **hwoista*- [5, 204]. У **hwaišta*- развивалось значение «главный деятель», «главный участник какого-либо действия», «старший (по положению или по возрасту)». У согдийского когната *xwēštar* отмечены значения «старший», «наставник», «учитель», важные в контексте закономерных семантических переходов. В структуре слова автор усматривает две последовательно образованные степени сравнения положительной основы **huwa*-. вначале превосходную **hwaišta*- и затем сравнительную **hva-šta-tara*. Данное рассуждение можно представить в следующем виде:

Хустæр – (A^{superlative})^{comparative} *Кæстæр* – A^{comparative}.

Ввиду того, что это не осетинское формообразование, о вероятности такого алгоритма следует судить по данным других языков. Но в остальных языках его когнаты не трактуются как двойная степень сравнения.

Развитие сравнительной степени на базе превосходной – низкопрецедентная модель. Ее могло обуславливать то, что иранские «суффиксы могли присоединяться к именному и глагольному корню, указывая на интенсивность без сравнения» [11, 44]. Если была потребность показать признак в его наивысшем проявлении и оформить значения **более наилучший*, **более старейший*, **more best*, **more oldest*, *the all-best*, это могло быть обусловлено процессами семантического развития, и превосходная степень усиливала семантику оценочности, а сравнительная сему возраста.

В словаре хотоносакского языка Г. Бейли *xestær*, *xīstar* обсуждается в двух словарных статьях. Осетинские рефлексy указаны среди когнатов *hwasta*- суперлатива со значением «лучший», «самый главный», «самый выдающийся» ('best, chief, pre-eminent'): Oss. D. *xestar*, I. *xistar* 'elder, eldest, chieftain'. «старешина, старейший, вождь» [12, 507].

Обращаем внимание, что среди когнатов данного корня слова общей высокой положительной оценочности, и можно полагать, что абсолютная пози-

тивность коннотаций *хистæр* в осетинском онтологическая: «наилучший» > «старший».

Также очень высокой позитивностью обладают слова, которые приводятся как когнаты *hāšarya* «учение» (teachings), в данной словарной статье отмечены рефлексы со значением «лучший», «учитель».

Слово *кæстæр* надежно этимологизируется, зафиксирована производящая основа положительной степени, *kaš-* «быть маленьким, уменьшаться, унижаться» [13, 331]. Корень широко представлен в иранских языках, где прилагательное отмечено в формах сравнительной и превосходной степеней.

Однако среди его рефлексов отмечены имеющие и отрицательные коннотации, например, в хорезмийских когнатах: «тощий», «вялый», «низший, худший, презренный» [13, 334]. Возможно, эти семы отражают стереотип древних о благополучной жизни, где худоба человека – признак его неуспеха.

Слова «*кæстæр*» и «*хистæр*» зафиксированы в формах сравнительной степени, однако стадию образования они прошли не в осетинском языке. В таком случае стадия формообразования имела место в каком-либо иранском языке, из которого они проникли в протоосетинский. Основаниями для такого допущения являются отмеченные в иранских языках степени сравнения с такими формантами.

Интересно, что оба примера сохранения осетинским языком прежнего иранского либо заимствованного формообразования фиксируются именно в данной комплементарной антонимической паре.

Потребность парного заимствования разнокорневых антонимов сходной семантики можно проиллюстрировать на примере *senior* и *junior*. Эти рефлексы общеиндоевропейских корней стали интернационализмами именно как компаративы, заимствованные непосредственно из латинского языка с формантом сравнительной степени *-or*. Производное от корня **sen-* *senior* в значении «старший» связано со словами *senile* «старческий» и *senescence* «старость». Оно обычно имеет более позитивный подтекст, чем однокоренные ему слова, так как эксплицирует превосходство, обеспеченное статусом, возрастом и опытом. В романских языках этот компаратив прошел наибольшую социальную элевацию, стал титулом, используется как вежливое обращение.

И статусность, и возраст могут гиперболизоваться в формах: (A^{comparative}) *more senior* «более высокопоставленный», «более старший»,

(A^{comparative})^{superlative} *most senior* «самый высокопоставленный», «самый старший».

Таким образом, в английском языке для заимствованных слов возможны формы двойного компаратива и компаратива, возведенного в суперлатив. Одна степень сравнения – морфологическая, унаследованная из языка-донора, и аналитическая в английском, языке-реципиенте.

В осетинском литературном языке не отмечены плеонастические формы (A^{comparative})^{comparative}: **хистæр-дæр* «*более старший» или **кæстæр-дæр* «*более младший» с двумя формантами степени: с общеиранским *тæр-* и с осетинским *дæр-*. Этимологическая сравнительность однозначно проступает в семантике обоих слов. Однако в разговорной речи такие конструк-

ции могут употребляться для максимальной градуальности семы возраста: роджи *хистæрдæр* «еще более старший» по возрасту.

Слова *хистæр* и *кæстæр* можно рассматривать не только как компаративные формы прилагательных. Полагаем, что *кæстæр* было заимствовано в сравнительной степени, а *хистæр* – в превосходной степени, не отягощенной сравнительным формантом.

В осетинском языке в сравнительную степень может возводиться и существительное, и данное наблюдение не исключает рассмотрения альтернативных гипотез: они рассматриваются не только как формы степеней сравнения прилагательных, они могли быть результатом словосложения или префиксальной деривации.

Хистæр и *кæстæр* могут рассматриваться как композиты, образованные по одной модели словосложения A+N. Второй элемент одинаковый – именная основа *-тæр*, тогда как препозитивный элемент – слова с противоположным значением. Основанием для такого подхода является слово *tæryn* «мальчик», «отрок», «юноша». Оно зафиксировано в словаре В.И. Абаева в полных формах: *tæryn*, *tyryn*, *tærna*. В усеченной имеет вид *tyr*. Слово архаичное, имеющее «в современном языке ограниченное употребление, преимущественно в фольклоре» [14, 280]. Оно возводится к этимону со значением «юный» и представлено в целом ряде языков. В таком случае первые корни **хис-* и **кæс-* могут быть антонимичными и противопоставляться либо по семе размер: *большой/маленький*, либо по семе возраст: *старый/юный*.

Сопоставимые с *tyr-* экспоненты можно выделить в ряде слов различных языков, в семантическом объеме которых с той или иной степенью эксплицитности отмечена сема возраста: в английском *ma-ture*, в русских словах *ветер-ан*, *ма-те-рый*, *му-др-ый*.

Могло иметь место совпадение экспонентов *-тæр* разной этимологии. Например, *кæстæр* – из степени сравнения, в случае с *хистæр* – из суффикса деятеля, если оно было заимствовано не из иранских языков.

Морфологический шов в осетинских словах можно провести по-другому и в качестве общего форманта выделить не **тæр-*, а **стæр-* – *кæ-стæр*, *хи-стæр*. Тогда есть основания привлекать материал славянских языков и сопоставлять с корнем слова *старый* *стар-*, у которого за пределами славянского мира прослеживаются только литовский, исландский и древнеиндийский когнаты [15, 747]. Иранский или осетинский материал в русском этимологическом словаре не учитывается. Равным образом список, более значительный, когнатов осетинского *стыр* «большой», приведенный в «Историко-этимологическом словаре», не включает в себя славянский материал. Представляется непротиворечивым объединить оба списка и рассматривать как родственные слова, приводимые в словарных статьях обоих этимологических словарей. Кроме того, *стыр* «большой» и *стæр-*, как словообразовательный элемент, можно рассматривать как этимологические дублиеты: *стыр*, собственно осетинское слово, **стæр-*, заимствованное в составе сложных или производных слов *кæстæр* и *хистæр*. В таком случае **хи-* и **ка-* могут быть показателями степени – «более *стар-ый*», *рослый*, *взрослый* и «менее *стар-ый*», *малорослый*, соответственно. Если **стæр-* – производящая основа, то *кæ-стæр* и *хи-стæр* можно рассматривать

как два однокорневых антонима, однако остается открытым вопрос, по словообразовательной модели какого языка они образованы.

Иранская природа обоих слов представляется очевидной, и вопрос об их когнатах за пределами иранского мира не являлся еще предметом обсуждения. Такой поиск может быть затруднен различными изменениями, которые они могли претерпеть, эрозией или обновлением лексики, которые они могли не пережить.

У *хистæр* надежные параллели в иранских языках [5, 204; 10]. Однако высокая степень фонетического сходства и определенные семантические характеристики дают основания для сопоставления рассматриваемого восточноиранского **xīstar-* с древнегреческим словом *ἵστωρ*. Все этимологические словари всех языков признают последнее этимологом слова *история*.

Слово *ἵστωρ* зафиксировано в словарях древнегреческого языка и лексикализуется как «участник событий, свидетель, знаток»; знающий, сведущий; сведущий в законах, судья [16, 840; 17]. Корень возводится к протоформе **wid-tor-*, с корнем **weid-* «видеть», «знать». У корня *ἵστωρ* – большое словообразовательное гнездо, отмечен целый ряд производных (*ἱστορίον, ἱστορία ἱστορήμα ἱστορέω, ἱστορικός ἁ-ἵστωρ*), а также композитных образований (*συν-ἵστωρ ἁ συνιστορέω ἁ ἐπι-ἵστωρ ὑπερ-ἵστωρ φιλ-ἵστωρ*) с ним.

Дериваты оказались более долговечными, чем сама производящая основа, а название науки «история» *ἱστορία* стало интернационализмом. Геродот называют «отцом истории», подчеркивая его роль в систематизации знаний о прошлом и становлении истории как самостоятельного направления исследования, но он отец и самого термина «история».

Наличие в древнегреческом корне *ἵστωρ* инициального густого придыхания, добавляющего звук [h] в начале слова, – это безусловный исторический факт, *ἵστωρ* транскрибируется как *hístōr*. В европейских языках сохранение придыхания восходит к латинской традиции и отражено в написании форм греческих слов с начальным *h-*: *historia, history, histoire*.

В русском языке нет инициального согласного, и в форме *история* слово могло быть заимствовано через языки, которые не передавали густого придыхания, либо утратили его как в самом греческом языке или во французском языке *histoire*, где оно осталось только в графическом варианте.

Само слово *ἵστωρ* в словарях современного греческого языка уже не отмечено, его архаизация могла быть явлением достаточно поздним. Луций Корнелий Александр получил за свою ученость прозвище *πολυἵστωρ* Полигистор, т.е. многознающий, ученый, «универсальный человек». Полагаем, что в первом веке до н.э. *hístōr* могло быть еще опознаваемым, т.к. семантика прозвища должна была быть прозрачной.

Возможно, не только *полигистор*, но и слово *магистр* образовано с корнем **hístōr*.

Маловероятной представляется случайность созвучия рассматриваемых слов **xīstar-* и *ἵστωρ* (*hístōr*). Равным образом допущение о том, что это общий протокорень, рефлекс которого в других индоевропейских языках не сохранились, продиктовано скорее стремлением привести исчерпывающий список возможных алгоритмов развития для объективности исследования. Такая

презумпция наиболее уязвима, так как требует обоснования повсеместной и бесследной элиминации в большинстве языков.

Более вероятным представляется рассмотрение **xīstar-* и *ĩotwr* как заимствования прямого или через язык-посредник.

Греческий корень мог быть усвоен в протоосетинском языке. У корня в греческом большой деривационный потенциал. Кроме того, суффикс **-isto*, которого нет в собственно осетинском, но который отмечен в индоиранских и германских языках, был и в греческом формантом превосходной степени [18, 221; 19, 284]. Не исключено, что форма суперлатива была образована в греческом, хотя *ĩotwr* не квалифицируется как прилагательное.

Вектор заимствования мог быть противонаправленным, и восточноиранский (скифский?) корень мог быть заимствован и древнегреческим языком, и протоосетинским, и быть усвоенным, пройдя определенные семантические корректировки.

Семы возраста – «старший», «возрастной» – достаточно естественно сочетаются в одном семантическом объеме с семами, указывающими на интеллектуальные способности «умный», «опытный», «наставник». Часто такие значения пересекаются, когда слово обозначает человека, который обладает большим жизненным опытом и в силу возраста является мудрым или образованным. Поэтому предполагаем, что и в древнегреческом слове **hístōr* сема «умный» восходит не к протокорню **wid-tor-*, а могла развиваться в семантике заимствованного скифского слова со значением «лучший», «более старший, более развитый, более поживший».

Вероятность того, что наука, которая систематизирует знания о прошлом, имеет восточноиранский этимон, ничуть не ниже допущения о том, что осетинское *хистæр* является заимствованием из древнегреческого. Геродот Геликарнасский в своем труде описывал разные иранские народы и не только в части, посвященной греко-персидским войнам [20]. Его описания скифов являются основным источником по истории и культуре этого народа, активно соседствовавшего с эллинами. А часть скифов – каллипидов – Геродот называет эллино-скифами, и, хотя это не языковая характеристика, а наблюдения за хозяйственной и бытовой деятельностью, очевидно, что ситуации регулярного и продолжительного взаимодействия народов размывают границы языков, делают неизбежными их взаимовлияние. Известно также, что лексика любого языка обладает особо высокой проницаемостью, и заимствования слов не могло не иметь место, векторы и частота которых неисчислимы, но произвольны. В пользу иранской этимологии и тот факт, что когнаты слова *хистæр* есть и в языках, которые не контактировали напрямую с эллинами.

Возможно, термин «история» имплицитно подразумевает самих передатчиков знаний, информации о прошедшем. Геродот назвал так свой труд, основанный на сведениях от живших ранее, намеревался, подобно автору «Слова о полку Игореве», «начати старыми словесы трудны повести». Либо к его времени слово *ĩotwr* могло быть частично деэтимологизированной лексемой – сведущий, а не старший.

Поиск когнатов *кæстæр*, в соответствии с декларируемым принципом парного рассмотрения, ограничим древнегреческим материалом, и так как

мифоэпическое пространство греко-скифское было тоже проницаемым для взаимовлияния, обращаем внимание на имя собственное *Κάστωρ*, одного из Диоскуров, покровителей мореплавателей и путешественников. В этимологических словарях имя возводится к протоиндоевропейскому корню **kestor-* «бобр».

Основанием для такой ретроспекции считаются способности Кастора к врачеванию и целебные свойства животного, которое и было названо в честь этого героя. Такое обоснование не поддерживается ни одним из мифологических сюжетов с участием Кастора и представляется попыткой не оставить без этимологии имя известного героя в период, когда имена и прозвища должны были быть носителями информации о владельце и понятны другим членам социума. Но сама возможность индоиранского происхождения имени Кастор не оспаривается.

Была научная полемика о траектории заимствования либо греческого *kastor* в санскрит и ряд индоиранских языков [17] или, наоборот, получило ли животное название в честь Кастора (Kretschmer), или герою был присвоен зооним в качестве имени.

При всей распространенности общепринятой этимологии не исключается возможность случайного созвучия имени и зоонима. Наиболее обоснованным представляется мнение о том, что название животного могло быть заимствовано в греческий независимо от героя. Обращаем внимание на комментарий о том, что в античности бобры не водились в Греции. И если это животное было экзотическим для эллинов, могли ли обусловить выбор такого имени мифологическому герою его целительные свойства или особенности развития его верхней челюсти и зубов. Более убедительным представляется возведение к корню превосходной семантики *κέκασμαι* (*kekasmai*) «сиять», «превосходить» (*to excel, to shine, he who excels*) [21]. Имя *Поллукс* признается производным от прилагательного, и такой же алгоритм имяназвания допускается и для *Кастора*.

Если средствами собственно греческого языка корень не этимологизируется и рассматривается траектория заимствования из восточных языков, из санскрита, обращаем внимание на распространенность, как отмечалось выше, слова **kastar* со значением «меньший, младший» в иранских языках, и в санскрите в том числе. Минимальная фонетическая дистанция между *kastor* и *kastar* не исключает рассмотрение последнего в качестве альтернативного этимона имени мифологического героя. Кастор мог и не быть скифом, хотя его эпитет «укротитель лошадей» не исключает этого. Его родословная известна – он сын спартанского царя, тем не менее его могли назвать восточноиранским словом, если оно было достаточно ассимилированным в языке древних эллинов. Возможно, быстрая архаизация не позволяет отследить этот корень в древнегреческих источниках.

Хотя никто из братьев Диоскуров не стремился к первенству в отношениях, традиционно первым из близнецов упоминается Кастор. Возведение его имени к **kastar* «младший», возможно, «восстанавливает справедливость» – оно может быть мотивировано тем, что героический Кастор зачат позже, т.е. младше, кроме того, по рангу ниже, т.к. смертен, и даже мог быть физически меньше своего бессмертного старшего брата Поллукса/Полидевка.

В отличие от предположения о родстве осетинского *хистæр* и зафиксированного древнегреческого *ἵστωρ* (*hístōr*), данное допущение не подтверждается письменными свидетельствами. Срок жизни заимствования мог быть недолгим, его известность в качестве антропонима могла ограничить его функционирование в качестве нарицательного слова, либо оно могло быть омонимичным другим словам, что мешает распознать его. С другой стороны, и Кастор живет и совершает свои подвиги раньше, чем в языке появляется *kastor* «бобр», что не помешало задним числом признать это заимствование этимологом имени.

Заключение

Семантика возраста или размера у осетинского *кæстæр* более этимологична, чем у *хистæр*. Их парность и взаимообусловленная противопоставленность в культуре, где возраст является мерилем уважения, могла способствовать тому, что в значении *хистæр* сема возраста стала доминантной эксплицитной, а сема интеллектуальные способности или изначальная позитивность имплицитными. Младшие противопоставляются старшим по семе «возраст», по семе «умственные качества» они не дискриминируются, их интеллектуальные способности не принижаются обществом.

Данная пара слов классифицируется как разнокорневые антонимы в сравнительной степени с несохранившимися положительными степенями, либо заимствованные без положительной степени.

В самом осетинском языке степени сравнения с подобными формантами не образуются и рефлексов таких больше не фиксируется. Это могло быть фоссилизацией древней формы, точечным заимствованием, либо это какая-то собственная модель словопроизводства.

Вопрос правильного морфологического анализа и этимологического исследования осетинских слов *xistær* и *kæstær* выходит за рамки осетинского языка и может быть важным для нахождения этимонов не только осетинских слов. Поиск их когнатов в других языках может быть продуктивным для уточнения этимологий ряда слов сходной семантики.

1. Осетинско-русский словарь [Ирон-уырыссаг дзырдурат]. В 4 т. / сост. Т.А. Гуриев, Э.Т. Гутиева. Владикавказ: СОИГСИ ВНЦ РАН, 2017. Т. 2. 724 с. (на осет. яз.).

2. Осетинско-русский словарь [Ирон-уырыссаг дзырдурат]. В 4 т. / сост. Т.А. Гуриев, Э.Т. Гутиева. Владикавказ: СОИГСИ ВНЦ РАН, 2019. Т. 4. 749 с. (на осет. яз.).

3. Нартовские сказания. Эпос осетинского народа [Нарты кадджытæ: Ирон адæмы эпос]. Владикавказ: Иростон, 2003. 592 с. (на осет. яз.).

4. Осетинский национальный корпус: [сайт]. URL: http://corpus.ossetic-studies.org/search/index.php?interface_language=ru

5. Абаев В.И. Историко-этимологический словарь осетинского языка. В 4 т. М.–Л.: АН СССР, 1989. Т. 4. 325 с.

6. Абаев В.И. Историко-этимологический словарь осетинского языка. В 4 т. М.–Л.: АН СССР, 1958. Т. I. 659 с.
7. Цаллагова И.Н. Композитное образование имен прилагательных в дигорском диалекте осетинского языка // Известия СОИГСИ. 2020. Вып. 38 (77). С. 91-99. DOI: 10.46698/c6216-3147-7389-x
8. Грамматика осетинского языка. В 2-х т. / ред. Г.С. Ахвледиани. Орджоникидзе: [б. и.], 1963. Т.1. Фонетика и морфология. 368 с.
9. Гацалова Л.Б., Парсиева Л.К. О степенях сравнения качественных имен прилагательных в осетинском языке // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2015. №11 (53). Ч. 1. С. 64-66.
10. Шёгрен А.М. Осетинская грамматика, с кратким словарем осетинско-русским и русско-осетинским. М.: ИМЛИ РАН, 2010. 976 с.
11. Эдельман Д.И. Сравнительная грамматика восточноиранских языков. Морфология. Элементы синтаксиса. М.: Наука, 1990. 287 с.
12. Bailey H.W. Dictionary of Khotan Saka. Cambridge: Cambridge University Press, 2010. 580 p.
13. Эдельман Д.И. Этимологический словарь иранских языков. В 6 т. М.: Издательская фирма «Восточная литература» РАН, 2011. Т. 4. I-k. 416 с.
14. Абаев В.И. Историко-этимологический словарь осетинского языка. В 4 т. М.–Л.: АН СССР, 1979. Т. 3. 358 с.
15. Фасмер М. Этимологический словарь русского языка. В 4 т. / пер. с нем. М.: Прогресс, 1971. Т.3. 827 с.
16. Древнегреческо-русский словарь. В 2-х т. / сост. И.Х. Дворецкий; под ред. С.И. Соболевского. М.: ГИС, 1958. Т. 1. 1043 с.
17. Beekes R. Etymological Dictionary of Greek. Leiden-Boston, 2010. 930 p.
18. Robert S.P. Comparative Indo-European Linguistics: An Introduction. 2nd edition, revised and corrected by Michiel de Vaan. Amsterdam, Philadelphia: John Benjamins Publishing Company, 2011. 415 p.
19. Ringe D. From Proto-Indo-European to Proto-Germanic (A Linguistic History of English). Oxford: Oxford University Press, 2006. 355 p.
20. Herodotus. The History of Herodotus. In 2 volumes / translated into English by G.C. Macaulay. V.1. Macmillan, London and NY. 1890. 387 p.
21. Liddell H.G. A Greek-English lexicon / compiled by Henry George Liddell and Robert Scott, revised and augmented throughout by Henry Stuart Jones with the assistance of Roderick McKenzie. Oxford: Clarendon Press, 1940. 1020 p.

Статья поступила в редакцию 06.08.2025,
принята к публикации 12.09.2025,
опубликована 30.09.2025.

Gutieva, Elmira T. – Senior Researcher, Department of Ossetian Studies, V. I. Abaev North Ossetian Institute for Humanitarian and Social Studies of the Vladikavkaz Scientific Center of the RAS (Vladikavkaz, Russia); <https://orcid.org/0000-0002-7452-665X>; gutieva@list.ru

XISTÆR AND KÆSTÆR: LANGUAGE PORTRAIT OF THE OSSETIAN PAIR SENIOR/JUNIOR.

Keywords: *the Ossetian language, the Scythian languages, the ancient Greek language, etymology, degrees of comparison, borrowings, semantics.*

Absence of an established system of titles or formal positions in the traditional Ossetian society accounts for the fact, that age has long been one of the main indicators of social status. This explains the importance of the words *histær* "senior" and *kæstær* "junior" for the Ossetian linguoculture. They are distinguished by high frequency of usage, including paired usage, emphasizing their interdependence and mutual influence, by positive connotation, and high phraseological activity. Related phraseological units, in their turn, are frequently reproduced. A comprehensive analysis of the words under consideration is undertaken. Both words are not autochthonous, and their borrowing into the Ossetian language dates back to a very early period. Both forms, were produced not according to the model of the Ossetian language proper, and could have been inherited from an ancient proto-language, more likely, they are borrowings from some Iranian language, or were the result of the coincidence of forms that developed differently. The absence of productive bases and word-forming formants in the language determined the plurality of etymologies and admissible algorithms of morphological analysis: as adjectives in the comparative degree, as composites, and as prefixed derivatives. The Eastern Iranian nature of both words does not exclude the existence of cognates of these roots in other Indo-European languages. The long-term nature and extent of the Scythian-Greek cultural and linguistic continuum, accompanied by mutual lexical borrowings, allows us to consider the ancient Greek word *hístōr* "a knowledgeable, well-informed person", recognized as the etymon of the term "history", and the Ossetian *xucmæp* as reflexes of the same root. They could have been inherited by both languages from the languages of the Scythian peoples. The sparseness of the mytho-epic Scythian-Greek space allows us to revise the etymology of the name of the mythical hero Castor. The hero might not have been a Scythian himself, but he could have been called by the Eastern Iranian word **kastar-*, if it was sufficiently assimilated in the language of the ancient Hellenes. Perhaps its rapid archaization does not allow us to trace this root in ancient Greek sources.

For citation: Gutieva, E.T. *Xistær and Kæstær: Language Portrait of the Ossetian Pair Senior/Junior*. KAVKAZ-FORUM. 2025, iss. 23 (30), pp. 19-31. (In Russian). DOI: 10.46698/VNC.2025.30.23.001

REFERENCES

1. Guriev, T.A., Gutieva, Eh.T. (comps.). *Osetinsko-russkii slovar'. V 4 t.* [Ossetian-Russian dictionary. In 4 volumes]. Vladikavkaz, North Ossetian Institute for Humanitarian and Social Studies, 2017, vol. 2. 724 p. (in Ossetian).
2. Guriev, T.A., Gutieva, Eh.T. (comps.). *Osetinsko-russkii slovar'. V 4 t.* [Ossetian-Russian dictionary. In 4 volumes]. Vladikavkaz, North Ossetian Institute for Humanitarian and Social Studies, 2019, vol. 4. 749 p. (in Ossetian).
3. *Nartovskie skazaniya. Ehpos osetinskogo naroda* [Nart legends. Epic of the Ossetian people]. Vladikavkaz, Iriston, 2003. 592 p. (in Ossetian).
4. *Osetinskii natsional'nyi korpus* [Ossetian National Corpus] [web-site]. URL: http://corpus.ossetic-studies.org/search/index.php?interface_language=ru
5. Abaev, V.I. *Istoriko-ehimologicheskii slovar' osetinskogo yazyka. V 4 t.* [Historical and Etymological Dictionary of the Ossetian Language. In 4 volumes]. Moscow–Leningrad, USSR Academy of Sciences, 1989, vol. 4. 325 p.
6. Abaev, V.I. *Istoriko-ehimologicheskii slovar' osetinskogo yazyka. V 4 t.* [Historical and Etymological Dictionary of the Ossetian Language. In 4 volumes]. Moscow–Leningrad, USSR Academy of Sciences, 1958, vol. I. 659 p.
7. Tsallagova, I.N. *Kompozitnoe obrazovanie imen prilagatel'nykh v digorskom dialekte osetinskogo yazyka* [Composite Formation of Adjectives in the Digor Dialect of the Ossetian

Language]. *Izvestiya SOIGSI* [Proceedings of the North Ossetian Institute for Humanitarian and Social Studies]. 2020, iss. 38 (77), pp. 91-99. DOI: 10.46698/c6216-3147-7389-x

8. Akhvlediani, G.S. (red.) *Grammatika osetinskogo yazyka. V 2-kh t.* [Grammar of the Ossetian language. In 2 volumes]. T.1. *Fonetika i morfologiya* [Vol. 1. Phonetics and morphology]. Ordzhonikidze, 1963. 368 p.

9. Gatsalova, L.B., Parsiyeva, L.K. *Ostepenyakh sravneniya kachestvennykh imen prilagatel'nykh v osetinskom yazyke* [On the degrees of comparison of qualitative adjectives in the Ossetian language]. *Filologicheskie nauki. Voprosy teorii i praktiki* [Philology. Theory & Practice]. 2015, no. 11 (53), part 1, pp. 64-66.

10. Shegren, A.M. *Osetinskaya grammatika, s kratkim slovarem osetinsko-rossiiskim i rossiisko-osetinskim* [Ossetian grammar, with a brief dictionary of Ossetian-Russian and Russian-Ossetian]. Moscow, Institute of World Literature Russian Academy of Science, 2010. 976 p.

11. Ehdel'man, D.I. *Sravnitel'naya grammatika vostochnoiranskikh yazykov. Morfologiya. Ehlementy sintaksisa* [Comparative grammar of Eastern Iranian languages. Morphology. Elements of syntax]. Moscow, Nauka, 1990. 287 p.

12. Bailey, H.W. *Dictionary of Khotan Saka*. Cambridge, Cambridge University Press, 2010. 580 p.

13. Ehdel'man, D.I. *Ehtimologicheskii slovar' iranskikh yazykov. V 6 t.* [Etymological dictionary of Iranian languages. In 6 volumes]. Moscow, Izdatel'skaya firma «Vostochnaya literatura» RAN, 2011, vol. 4. I-k. 416 p.

14. Abaev, V.I. *Istoriko-ehimologicheskii slovar' osetinskogo yazyka. V 4 t.* [Historical and Etymological Dictionary of the Ossetian Language. In 4 volumes]. Moscow–Leningrad, USSR Academy of Sciences, 1979. vol. 3. 358 p.

15. Fasmer, M. *Ehtimologicheskii slovar' russkogo yazyka. V 4 t.* [Etymological dictionary of the Russian language. In 4 volumes]. Moscow, Progress, 1971, vol. 3. 827 p.

16. Dvoretiskii, I.Kh. (comp.), Sobolevskogo, S.I. (ed.). *Drevnegrechesko-russkii slovar'. V 2-kh t.* [Ancient Greek-Russian dictionary. In 2 volumes]. Moscow, GLS, 1958, vol. 1. 1043 p.

17. Beekes, R. *Etymological Dictionary of Greek*. Leiden-Boston, 2010. 930 p.

18. Robert, S.P. *Comparative Indo-European Linguistics: An Introduction*. 2nd edition, revised and corrected by Michiel de Vaan. Amsterdam, Philadelphia, John Benjamins Publishing Company, 2011. 415 p.

19. Ringe, D. *From Proto-Indo-European to Proto-Germanic (A Linguistic History of English)*. Oxford, Oxford University Press, 2006. 355 p.

20. Herodotus. *The History of Herodotus*. In 2 volumes. Translated into English by G.C. Macaulay. V.1. Macmillan, London and NY. 1890. 387 p.

21. Liddell, H.G. *A Greek-English lexicon*. Compiled by Henry George Liddell and Robert Scott, revised and augmented throughout by Henry Stuart Jones with the assistance of Roderick McKenzie. Oxford, Clarendon Press, 1940. 1020 p.

The article was submitted 06.08.2025,
accepted for publication on 12.09.2025,
published 30.09.2025.